

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 25, Is. 3, pp. 129–139, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-25-3-129-139
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 81.373+398.21

Kalmyk Fairy Tales as Recorded by G. Ramstedt: Peculiarities of the Conversational Style

Aleksandra T. Bayanova¹, Viktoriya V. Kukanova², Aisa O. Butaeva³, Baira B. Goryaeva⁴

¹ Head of P. E. Alekseeva Scientific Library, Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: ale-bayanova@yandex.ru.

² Ph. D. in Philology, Senior Research Associate, Department of Linguistics, Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: vika.kukanova@gmail.com.

³ Postgraduate Student, Institute of Kalmyk philology and Oriental studies, Kalmyk State University (Elista, Russian Federation). E-mail: aisasarpa10@mail.ru.

⁴ Ph. D. in Philology, Senior Research Associate, Department of Literature, Folklore and Jangar Studies, Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: baira79@yandex.ru.

Abstract

The article aims to study the peculiarities of the conversational style with evidence from Kalmyk fairy tales recorded by the Finnish scholar G. J. Ramstedt. The purpose of the paper is to identify elements of the conversational style within folklore texts. Such research seems to be important enough due to the fact that linguistic and stylistic aspects of the conversational style both in folklore texts and the colloquial Kalmyk language have not generally been subject of any special studies. With evidence from fairy tale texts phonetically transcribed by G. J. Ramstedt, phonetic, lexical, phraseological, morphological and syntactic norms typical for the conversational style of Kalmyk are considered. The folklore texts contain a great number of elements characteristic of the conversational style at all levels of colloquial Kalmyk, such as ellipsis of vowel and consonant sounds, use of colloquial words and phrases, interjections, incomplete sentences, parcelings, etc.

The analysis of the materials allows to conclude as follows: 1) creation of fairy tale texts is characterized by a low level of spontaneity, 2) fairy tale telling process is full of elements typical for the conversational style at all levels of colloquial Kalmyk, such as ellipsis of vowel and consonant sounds, use of colloquial words and phrases, interjections, incomplete sentences, parcelings, etc., 3) the informants are speakers of the Dorbet sub-dialect.

Keywords: oral tradition, fairy tale, colloquial style, the Kalmyk language, speech, syntax, parcellation.

Исследование особенностей фольклорного текста, первоосновой которого можно считать устную традицию, является одной из важных задач в современной стилистике и лингвистике. Сказки, изначально существовавшие и существующие поныне как образцы словесного творчества народа, стали объектом лингвистического изучения благодаря их фиксации на письме. Качественный анализ подобных текстов возможен только при точном воспроизведении оригинального текста в транскрибированном виде.

Целью данной работы является выявление элементов разговорного стиля на материале фольклорного текста. Актуальность изучения данной проблематики обусловлена тем, что лингвистические и стилистические аспекты разговорного стиля как в фольклорных текстах, так и в разговорной калмыцкой речи практически не изучены. Исключение составляет работа В. Н. Мушаева [Мушаев 2005], где описываются некоторые явления, характерные для калмыцкой разговорной речи.

Отсутствие исследований, посвященных данному вопросу, связано, на наш взгляд, с несколькими факторами, повлиявшими на степень изученности разговорного стиля в калмыцком языке. Во-первых, исследование калмыцкой речи возможно при достаточном накоплении фонетического материала в виде транскрибированных линейных отрывков (в фонематической записи или в упрощенном виде с фиксацией пауз, аллегровых форм¹, хезитаций и т. д., т. е. всего того, что не соответствует литературной норме). В калмыцком языкознании еще не публиковались сборники, содержащие образцы разговорной речи на калмыцком языке². Во-вторых, ценность изучения самой

разговорной речи в калмыцком языкознании еще не осознана многими лингвистами и находится вне поля их зрения. В-третьих, как таковая калмыцкая разговорная речь все реже и реже звучит в республике, следовательно, разговорная речь не получает должного использования в силу своей функциональной ограниченности, по причине неиспользования языка речь не развивается в системе, другими словами, она «застыла».

Понятие «разговорный стиль» (далее — РС) не имеет определенной четкой дефиниции. В научной литературе определяются в основном функции РС. По мнению М. В. Невежиной, РС «функционирует в сфере повседневно-бытового общения и реализуется в форме непринужденной, неподготовленной монологической или диалогической речи на бытовые темы» [Русский язык... 2012: 141], Н. Н. Романова определяет его как стиль «повседневного общения» [Романова 2012: 116]. Е. Б. Демидова считает, что РС «выполняет функцию общения, его назначение — «передача информации преимущественно в устной форме» [Демидова 2011: 40], М. Н. Кожина отмечает «особенности и колорит устно-разговорной речи носителей литературного языка» [Стилистика... 2008: 432]. Т. В. Матвеева выделяет такие характерные черты РС, как неподготовленность речи, ситуационная обусловленность, неофициальность [Матвеева 1990: 112]. При всем разнообразии дефиниций понятие разговорного стиля соотносится прежде всего с понятием «устная разговорная речь», отличающимся от РС обязательностью устной формы. Разговорный же стиль возможен и в письменной форме. Он широко используется в художественной литературе и газетных жанрах. РС имеет общие во всех языках черты: спонтанность речи, неполнооформленность структур, повторы и т. д., но в каждом конкретном языке эти черты проявляются по-разному.

Практическим языковым материалом послужили тексты калмыцких сказок, записанных финским ученым Г. Й. Рамstedтом в ходе его экспедиции в Калмыцкую степь в 1903 г. Рассмотрим на примере записей сказок в фонетической транскрипции Г. Й. Рамstedта фонетические, лексико-фразеологические, морфологические и синтаксические нормы, присущие разговорному стилю калмыцкого языка.

тан Шаня 2010; Хальмг улсин йөрэлмүд 2010; Т. С. Тягинов амн урн үгин көрнэгэс 2011; Герлтсн сувсн 2014].

¹ Редуцированные, компрессионные, сжатые формы возникают вследствие многих причин. Об аллегрных формах писали Р. И. Аванесов [1950: 34], А. А. Реформатский [1979] и др. Заслуживает внимания недавняя работа Д. А. Пальшиной, основанная на уникальном речевом материале — звуковом корпусе русского языка [Пальшина 2013].

² Однако, стоит отметить серию «Өвкнрин зөөр» («Наследие предков»), в которой представлены образцы фольклорной традиции калмыков в современной орфографии с сохранением характерной речи и диалектных особенностей, передаваемых через огласовку и лексику [Буутан Санжин туульс 2008; Алтн чеежтэ келмрч Бок-

Сказка принадлежит к текстам, которые обладают высокой степенью мотивированности и низкой степенью спонтанности¹. Она рассказывается несколько раз, запоминается, ее сказывание в очередной раз — это уже подготовленный нарратив, который обладает минимальной степенью спонтанности.

В квадратных скобках указывается номер сказки, без названия, поскольку Г. Й. Рамстедт не давал названий записанным текстам. При описании фонетических признаков разговорного стиля дается транскрипция Г. Й. Рамстедта; при описании особенностей, выраженных на других уровнях языковой структуры, дается запись в действующей орфографической и графической системе современного калмыцкого языка, но с сохранением диалектных особенностей.

Характерными фонетическими признаками разговорного стиля являются «исключительное богатство интонационного варьирования» [Стилистика 1982: 248], ненапряженная артикуляция звуков и часто нечеткое произношение, вследствие чего при разговоре в словах мы наблюдаем случаи усечения слов, эллипса звуков и целых слогов, редукции гласных.

Усиленной редукции подвержены гласные в конце слова: *цааран* [tsārn] ‘отсюда’, *укрин* [ük=riñ] ‘коровы’, где исторически должен был произноситься долгий гласный звук [и]. Из-за невыполнения говорящим полной артикуляции гласного звука меняются гласные при произношении. Согласнотоническим фонетическим законам звук [о], к примеру, переходит в звук [у]: *чолу* — *чулу* (tšulū, tšulūg, tšulūγār ‘камень’²); звук э — в

у (*энуз* — *унуз*: ǰñīg ‘этого’³). В первом случае произошла количественная редукция гласных звуков, во втором — качественная вследствие регрессивной ассимиляции звуков соседних слогов. Что касается изменения согласных звуков, то можно привести в пример лексические единицы с корнем *тииг-* {65}⁴, весьма частотные в материале исследования: *тиигхлэ* ‘если, в таком случае’, *тиигхлэрн* ‘если таким образом’, *тиигхлэнь* ‘если так’ произносятся как [tikˀlā]. В данном слове наблюдается аккомодация согласных звуков и их слияние в один, видимо, по причине того, что в калмыцком языке отсутствует сочетание заднеязычных согласных в пределах одного слога, неудобное для быстрого произнесения. В этом случае происходит оглушение звонкого согласного [г] и выпадение согласного [х].

Вследствие нечеткости произношения наблюдается иногда слияние нескольких слов в одно: *мин болхла* [min-bolˀxlā], *йовад окна* [jowād-oknā] и др. Примечательно в этом отношении образование современного аффикса — *чана-*, *-жана-*: *āptš-ānā* ‘берет’, *bārdž-ēñā* ‘держит’, *dardž-ēñā* ‘давит’, *bāγā-wāñā* ‘находится’, *dūdˀdž-wāñā* ‘зовет’, *γādž-wāñā* ‘ищет’. Примеры, обнаруженные в материале исследования, свидетельствуют о том, что процесс формирования аффикса продолжительного настоящего времени происходил в момент фиксации Г. Й. Рамстедтом фольклорных текстов — в начале XX в.

Кроме редукции и выпадения отдельных звуков, в разговорном стиле наблюдаются и выпадения целых слогов. Усеченные фонетические варианты слов не вызывают затруднения в понимании говорящего. В лингвистике рассматриваются явления усечения форм слов, так называемый метаплазм, имеются различные формы изменений (синкопа, протеза, эпентеза, парагога, афереза, синкопа, апокопа, элизия, стяжение и т. д.). В текстах сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом, мы встречаемся с этими явлениями: *ged* (вместо *gihəd*), *ked* (вместо *kehəd*), *уна* (вместо *унад*), *хааран* (вместо *хамаран*), *хааһас* (вместо *хамаһас*):

³ См., например:

(4) „ǰñīg endr idk-ĩmn, tūgĩñ maŋγ, ũr idijā!“
gedž keldž, keldž-āsn̄ tsaylā köwĩñ kũrtš-irēb būnā.
[Сказка № 11].

⁴ Здесь и далее в фигурных скобках указывается частота употребления лексической единицы в текстах сказок в записи Г. Й. Рамстедта.

¹ Под мотивированностью понимается обусловленность характеристик вторичного текста признаками исходного стимула. Спонтанность является следствием такой мотивированности и трактуется как относительная неподготовленность вторичного текста в процессе его порождения.

² См., например:

(1) „endˀ tendēš neg g,urwñ, tšulū tsuylūldž aw!“ genā. [Сказка № 19].

(2) g,urwñ, tšulūg tsuylūldž aptš-ādbɔ bolnā. [Сказка № 19].

(3) neg tšulūγār gidž'gĩñ tas tsokāb oktš-ādbɔ bolnā. [Сказка № 19].

В текстах сказок встречается в сказках № 5, 20, 21, 16, 18 и произношение со звуком [о]: tšolū {5}; tšolūb {1}; tšolūg {1}; tšolūn {6}; tšolūγār {3}.

- (5) «Залус, *хааран* йовжс йовх залусвт?» — *гижс*. ‘Мужики, куда отправившиеся мужики вы?’ — говорит’ [Сказка № 15].
- (6) *Уулдан курч ирэд, теднэр тежсал кед бээвэ*. ‘Придя к горе своей, их [антилоп и коз молоком] питались’. [Сказка № 5].
- (7) *Маитган уна харна*. ‘Низкорослую [лошадь] свою оседлав, отправился’ [Сказка № 9].
- (8) *Саак хойр көвүһэр зарһан келһнэв гед, ирэд аашна, тер нурвн күн*. ‘«Теми двумя мальчиками спор разрешим», — подумав, приближаются те три человека’. [Сказка № 10].
- (9) *Чи хааһас йовлач?* ‘Ты откуда шел?’ [Сказка № 16].

Интересны примеры с *гед* {97} и *кед* {3}, где произошло образование долгой гласной. В интервокальной позиции сначала выпал согласный звук *h*, две гласные образовали одну долгую: *гihэд* → *гийэд* → *гед*; *кеһэд* → *кеед* → *кед*.

Удлинение гласных также служит одним из выразительных приемов разговорного стиля:

- Как средство выражения удивления: (10) *Я-а, түнүһичн эрлһжс болхий*. ‘Да-а, извывается от него можно’ [Сказка № 21].
- Как средство выражения иронии: (11) *А-а, чи чадхмн, чи*. ‘Аа, ты, конечно же, можешь’ [Сказка № 19].
- Как средство выражения убежденности: (12) *Э-э!* — *гинэ*. ‘Да, — говорит’ [Сказка № 20].

Основной лексический фонд разговорного стиля составляет общеупотребительная лексика. Оттенок разговорности данному стилю придают просторечные слова и устойчивые выражения. Исследователи русской разговорной речи отмечают, что использование сниженной и просторечной лексики применяется в разговорном стиле «с целью разнообразить речь и достичь нужного стилистического эффекта» [Лаптева 1976: 73]. Так, в текстах калмыцких сказок в записи Г. И. Рамstedта мы встречаем слова: *элмр* ‘негодяй’, *доск* ‘дрянь’.

К эмоционально-экспрессивным средствам разговорного стиля следует отнести и синонимы. Тексты сказок Г. И. Рамstedта чрезвычайно богаты синонимическими средствами:

- синонимическими парами: *кезэ-яза* ‘когда-то, в какое-то время’ (13) *Кезэ-*

яза *һарсан мартн гүүлгэд оркв*. ‘Не помня о том, когда выехал, помчался дальше’ [Сказка № 18]; *иигжс-тиигжс* ‘так и этак, так и сяк’ (14);

- сдвоенными синонимичными существительными: *мал-гер* ‘хозяйство’ (досл. ‘скот-дом’); *эк-эцк* ‘родители’ (досл. ‘мать-отец’): (15) *Эк-эцктәһән ик жүрһл-дүргл болад...* ‘С родителями в радости живя...’ [Сказка № 18]; *ээжс-аав* ‘родители’; *урн-садн* ‘семья’ (досл. дети-родственники); *жүрһл-дүргл* ‘радость’ (досл. ‘радость-счастье’);
- сдвоенными синонимичными отглагольными формами: *уусн-идсн* ‘выпитое-съеденное’: (16) *Уусн-идсн хотан деежс өргжс бә!* — *гинэ*. ‘Еду, которую ели-пили, бурханам подноси!’ — сказал’ [Сказка № 19]; *уульсн-дуулсн* ‘плачущий-поющий’.

Функцию усиления воздействия на собеседника оказывает и редупликация¹. На наш взгляд, редуплицированные формы усиливают лексическое значение, выраженное в основе, а также грамматическое значение, например, интенсивности, множественности, длительности и т. д. В сказках Г. И. Рамstedта мы наблюдаем редупликацию глаголов (например, *йова-йова*) и наречий (например, *курсэр-курсэр*):

- (17) *Йова-йова йовтл өмн нег ик күн һазр чичэд бээдг болна*. ‘Идет-идет и видит: огромный человек землю сотрясает’ [Сказка № 19].
- (18) *Терүнд курсэр-курсэр курч иржэдг болна*. ‘До нее он долго-долго ехал, наконец, добрался’ [Сказка № 19].

В примере (17) трижды повторяется основа *йов-* ‘идти’, тем самым создается эффект длительности действия, в примере же (18) редуплицируется наречие *курсэр* ‘долго’, чем подчеркивается длительность времени. Причем в примере (17) создается некоторая избыточность и на грамматическом, и на лексическом уровнях. Во-первых, дважды повторяется основа *йов-*, во-вторых, имеется причастный аффикс *-а-*, обозначающий продолжительное настоящее время. Двумя различными способами сказитель делает акцент на длительности действия, обозначенного в основе. Возможно, через

¹ Редупликация — фономорфологическое явление, состоящее в удвоении основы или слова.

сочетание семантики длительности, выраженной лексически и грамматически, эксплицируются категории пространства и времени, которые в фольклорных текстах, как правило, выражаются опосредованно (релятивно), а не абсолютно.

Отметим, что при беглом просмотре сказок встречаются только редупликаты, связанные с глаголом движения *йовх* 'идти' и наречиями времени. Данный вопрос требует отдельного исследования и более репрезентативного в количественном и жанровом отношении материала.

По утверждению Т. В. Матвеевой, «вербальные сегментные средства эмоциональности лексического плана в разговорном стиле отвечают строению языкового лексического поля эмоциональности» [Матвеева 1990: 122]. К ним относятся и фразеологизмы. Материал сказок Г. Й. Рамстедта содержит обилие фразеологических единиц, что позволяет утверждать, что живая разговорная речь является следствием хорошего знания рассказчиком (носителями языка, информантами) языка, культуры и традиций народа, свободного владения реалиями языка, а также точным и уместным употреблением фразеологизмов.

С точки зрения грамматической структуры в текстах сказок Г. Й. Рамстедта в основном встречаются глагольные фразеологизмы: *ам авх* 'сговориться, дать обещание', *амэн өгх* 'отдать свою жизнь за кого-то, пасть жертвой', *бүстэн хавчулх* 'заткнуть за пояс', *гер-мал болх* 'вступить в брак, обзавестись семьей и хозяйством', *сана зовх* 'переживать, болеть душой, беспокоиться', *бурхн болх* 'умереть, преставиться; букв. бурханом стать, т. е. стать непогрешимым'; *һа болх* 'стать причиной несчастья, быть в тягость'; *цаһа санх* 'желать добра и благополучия':

- (19) *Тегэд бичк иддг хотан иджәһэд бурхн болхм*, — *гинә* 'Поэтому, немного поев еды, которую ест обычно, преставиться' [Сказка № 20].
- (20) «*А-а, чи мини бөк болж чадхмнч*» *гihэд, бүстэн авад хавчулад окчадг болна*. «А-а, ты можешь, [именно] ты», — сказал и за пояс его заткнул' [Сказка № 19].
- (21) *Саак күүкиг байн өвгнә көвүнд дорнь авч өгнә, гер-мал болад, бээдг болна*. 'Эту самую девушку за сына старика-богача тут же выдали замуж, [они], создав семью, стали жить' [Сказка № 15].

- (22) *Ик күүнә отгт залу күн күүкн кү дахулад орхла һа болдмн, чи залу күнлмч, чи түрүләд од!* 'Если в большой чужой оток мужчина приведет женщину, она станет причиной несчастья, ты же мужчина, ты первым езжай!' [Сказка № 22].

Второе место по частотности занимают номинативные фразеологизмы: (23) *уңгичн уңгд, даңгичн даңгд* 'из рода в род, из века в век' [Сказка № 17]; (24) *Нүднү бурд уга болад йовад одв*. 'В мгновение ока исчезла из виду' [Сказка № 19].

Особую экспрессивность калмыцкой разговорной речи придают устойчивые выражения, выражающие определенные чувства человека: гнев — (25) *Хар һазрт од!* — *гижж келв*. 'Провались сквозь землю! — сказал он'. [Сказка № 20]; сочувствие — (26) ...*Санаһан бичгә зовтн!*» — *гижж Көк арсн келв*. '...Не переживайте!' — сказал Серая шкура' [Сказка № 17] и т. д.; а также образные глаголы, передающие различные звуки, издаваемые в результате падения (*сард унх*), движения (*шурд гих*), удара (*пард гих*) и т. д. Указанные выше слова состоят, как правило, из четырех звуков (трех согласных и одного гласного) и заканчиваются на согласный звук -д, который является показателем мгновенности или кратковременности действия [Грамматика 1983: 304], например: (27) *Шурд гihэд керчәд окна*. 'Со звуком шурд отрезал' [Сказка № 22].

Особый пласт лексики, употребляемый в живой калмыцкой разговорной речи, составляют изобразительные слова (как и образные), дающие возможность ярче и эмоциональнее передать реальную действительность: (28) *Генткн үүднү шир-шир, шир-шир гihэд бээдг болна*. 'Вдруг двери закрипели шир-шир, шир-шир' [Сказка № 15]; (29) *Һәәлвтхә һарад одсн цагт эндтенднү ик цар чолуд нит-нит гihэд унад бәәнә*. 'Как раз в то время, когда отбежали, тут и там стали падать огромные валуны со звуком пит-пит' [Сказка № 16].

К рассматриваемому признаку разговорного стиля можно отнести и лексические повторы, которые также выполняют функции усиления воздействия на слушателя:

- (30) *Бас нег ишкред, нег хәэкрәд, нег мөрән ишкәд, нег жимәр гүүһәд одв, нег унх тааста мөрн уга болад бәәв*. 'Тоже один раз свистнул, один раз крикнул, один путь проложили, по одной тропе

побежали, не нашлось подходящего для верховой езды коня' [Сказка № 18].

- (31) *Тиигжэгл хар кер мортэ, хар унн дахта, хар улан залу курч ирэд: «Адунд санаһар ю хээвч?» — гиһэд цокад оркв.* 'В это время на черной (темно-гнедой) лошади, в дохе [из шкуры] черного (вороного) жеребенка смуглый (букв. черно-красный) мужчина, подъехав: «В табуне что ищешь?» — сказав, ударил' [Сказка № 18].
- (32) *Темәнәсн нег буур алад, адунаһн нег ажрһ алад, хөөнәсн нег хуц алад, үкрәсн нег бух алад, хурм кеһад дееж өргәд хурм кежәнә.* 'Из верблюдов своих самца забил, из табуна своего жеребца забил, из овец своих барана забил, из стада быка забил, пир устроил старик, дееджи бурханам поднеся' [Сказка № 19].

К лексическим признакам РС следует отнести и диалектизмы, которые недопустимы в литературной речи. Тексты сказок записаны Г. Й. Рамстедтом от информантов-носителей дербетского говора, которые проживали в Малодербетовском улусе, поэтому в текстах наблюдаются наиболее характерные особенности дербетского говора:

1) наличие в начальном слоге губно-губного смычного носового сонанта *м* вместо губно-зубного звонкого согласного *в*: *йомна* (вместо *йовна*), *тәмнә* (вместо *тәвнә*), *амна* (вместо *авна*);

2) наличие в начальном слоге губно-губного глухого согласного *п* вместо губно-зубного звонкого согласного *в*: *чапчад* (вместо *чавчад*), *кептх* (вместо *кевтх*), *хапчулад* (вместо *хавчулад*), *кептә* (вместо *кевтә*), *хупцн* (вместо *хувцн*);

3) наличие в начальном слоге губно-губного звонкого согласного *б* вместо губно-зубного звонкого согласного *в*: *шабдад* (вместо *шавдад*), *гәбдәд* (вместо *гәвдәд*);

4) наличие гласного звука переднего ряда *э* вместо заднерядного гласного *а* в конце слова: *болнә* (вместо *болна*), *однә* (вместо *одна*), *болтхә* (вместо *болтха*), *аашнә* (вместо *аашна*);

5) наличие заднерядного гласного *а* вместо гласного звука переднего ряда *э*: *халә* (вместо *халэ*).

К морфологическим особенностям разговорного стиля относятся определенный набор грамматических форм; их количественное отношение и особенности исполь-

зования. Как утверждают исследователи разговорного стиля, в русском языке наиболее частотными являются местоимения [Стилистика 1982: 256]. Анализ сказок Г. Й. Рамстедта показал, что в калмыцком языке наибольшей частотностью употребления в текстах сказок отличаются глаголы (причем в первую очередь конвербы) и существительные [Куканова, Горяева 2015].

В разговорном стиле широко представлены глаголы изъявительного и повелительного наклонения, преобладают глаголы настоящего и прошедшего времени. В сказках наблюдается активность переноса употребления форм времени: так, например, глагол будущего времени *бәәх* используется в виде настоящего времени: (33) *...ар бийнд нег му хар гер бәәх, тер гер мини гер тер.* 'Позади стоит убогая черная кибитка, эта кибитка и есть мой дом' [Сказка № 18]. Типической чертой разговорного стиля является употребление повелительного наклонения без подлежащего: (34) *Темәнәс нег өгит!* 'Из верблюдов дайте одного' [Сказка № 18]; (35) *Авч ир!* 'Приведите!' [Сказка № 15]. Характерной особенностью разговорного стиля является употребление желательного наклонения глаголов. Формы данного наклонения на *-с* выражают различные оттенки побуждения:

- твердое намерение, решимость: (36) *Чәмәг нег насндан авсв!* 'В каком-нибудь из перерождений своих отомщу я тебе!' [Сказка № 21].
- пожелание говорящего в свой адрес: (37) *Би чигн сәәхн мөнд хәрсв!* 'Ну и мне в здравии вернуться!' [Сказка № 21].
- просьба говорящего позволить ему что-то сделать: (38) *Йо, хәәмнь, тиим болхла һуйичн эдгәж өгсв* 'Милый мой, если так, то бедро твоё исцелю!' [Сказка № 21].

Формы желательного наклонения, оканчивающиеся на *-ий*, *-ия*, выражают желание множества лиц выполнить определенное действие: (39) *Тиигхлә: «Нә, йовсн орммадчн хәләй!»* 'Тогда: ладно, проедем по тобой исхоженным местам, посмотрим!' [Сказка № 21]; (40) *Күүкд болдг мин болв чигн, ноолдж үзий...* 'Хоть и ребенок я, давай поборемся, посмотрим...' [Сказка № 19].

В разговорной речи встречаются формы желательного наклонения с аффиксом *-тха* / *-тхә*-, которые выражают пожелание говорящего совершить действие, переданное третьему лицу через второе лицо:

- с оттенком пожелания: (41) *Иржэ намаг автха!* 'Пусть приедет, заберет меня' [Сказка № 16].
- с оттенком веления: (42) *Көвүн: «Мана аав зөв өгч гитхэ!» гитхэд, хурв мөргчкэд, харад йовв.* 'Мальчик: «Наш отец согласие дал, пусть скажет!» — сказав, трижды поклонившись, отправился' [Сказка № 18].
- с оттенком разрешения: (43) *«Мана куукн көвүн хойр көтлэд авад иртхэ», — гижэ келв, баавһань.* 'Пусть наши дочь и сын приведут ее под руки', — сказала женщина' [Сказка № 9].

Показателем разговорного стиля является и употребление предостерегательного наклонения глаголов:

- с оттенком предупреждения: (44) *Тегэд чамд хорнь туссн болвза гитхэд, үлдэн бэрэд, лампан бэрэд, күрэд ирв.* 'Не попал ли на тебя яд, подумав, меч свой держа, лампу взяв, подошел'. [Сказка № 15].
- надежда на желательное действие: (45) *«Гелң, та арһлжэ чадх болвзат?» — гижэ келв.* '«Гелюнг, Вы, возможно, можете помочь?» — сказали'. [Сказка № 11].

В текстах сказок Г. Й. Рамстедта употребляются как первичные (*нэ, а, э-э, а-а, ай, йо, ну*), так и производные междометия (*тэтэ, жили*). В калмыцком языке различают также эмоциональные и императивные междометия. В рассматриваемых сказках в основном употребляются эмоциональные междометия, передающие различные оттенки чувств:

- о одобрения: (46) *Нэ, чамд энүндчн унх тааста мөрн уга.* 'Ну, здесь для тебя нет подходящего для верховой езды коня' [Сказка № 18]; (47) *«Э-э!» гитхэд, харад йовна.* '«Да-а!», сказав, отправились в путь' [Сказка № 15].
- о восхищения: (48) *А, лам Зуңкв!» — гитхэд саак кун келнэ.* 'О, лама Зунква!', — сказал тот человек' [Сказка № 15]; (49) *А-а, ах нойн баав...* 'А-а, многоуважаемый баава...' [Сказка № 16]; (50) *Ай, би бөк санжлм!* 'Ай, я, оказывается, силач!' [Сказка № 11].
- о сочувствия: (51) *Йо, хээмнь, тиим болхла һуйичн эдгэжэ өгсв.* 'Ой, бедняжка, если так, то я исцелю твое бедро' [Сказка № 21].

- о брезгливости: (52) *«Иг, тэтэ!» гитхэд, һалур авад шивэд окна.* '«Фу, гадость!», воскликнув, бросила ее в огонь' [Сказка № 17].
- о гнева, злости, угрозы: (53) *«Хулха кехлә, жили!» гитхэд, хайчкжэ.* '«Если украдешь, то убирайся прочь!», сказав, оставил его' [Сказка № 3].
- о насмешки, иронии: (54) *«Пуу, чавас!»* 'Фи, бедняга!' [Сказка № 22].

Синтаксическую специфику разговорного стиля составляет, прежде всего, неполнотроструктурность предложений. Неполные предложения, в которых отсутствует один из обязательных членов предложения, являются следствием свойств функционирования разговорной речи: определенной ситуативности и непосредственного устного общения, которые позволяют опускать некоторые слова, так как нет необходимости повторять их. Чаще всего в неполном предложении отсутствует подлежащее или второстепенный член предложения [Очи-ров 1964: 168]:

- (55) *Нег герин һаза иржэ.* 'Пришли к одному дому'. В данном предложении отсутствует подлежащее *хойр көвүн*, которое реконструируется из предшествующего предложения: *Тер хойр көвүн арднь авад йовжэ одна.* 'Те два мальчика после этого забрали и ушли'. [Сказка № 10].
- (56) *[көвүн] Гүүжэ күрч ирнэ эцкдэн.* '[мальчик] Бегом прибежал к отцу'. [Сказка № 19]. Это предложение — также с эллипсисом подлежащего.
- (57) *Оран ор һанцхн моднд бээдг альм авч ирхләчн [эгчән] өгнэв.* 'Во всей стране на одном лишь дереве растет это яблоко, если привезете, отдам [сестру]' [Сказка № 19]. Данное предложение демонстрирует опущение дополнения.
- (58) *Мөрнь [көвүг] серүлжэ бээдг болна.* 'Конь будит [мальчика]'. [Сказка № 19]. Этот пример демонстрирует эллипсис дополнения.

В текстах сказок встречаются неполные предложения, в которых сказуемые выражены глаголом повелительного наклонения: (59) *«Арһ уга, ал!» — гинэ.* 'Делать нечего, убивай!' — говорит' [сказка № 21]; (60) *«Сур!» — гинэ.* '«Учи!» — сказал' [Сказка № 3]. В примерах (59)–(60) также отсут-

стствует субъект, выражающий повеление, т. е. подлежащее в сопровождающих словах автора при прямой речи.

Рассмотрим относительное количество неполных структур в сказочных текстах (рис. 1).

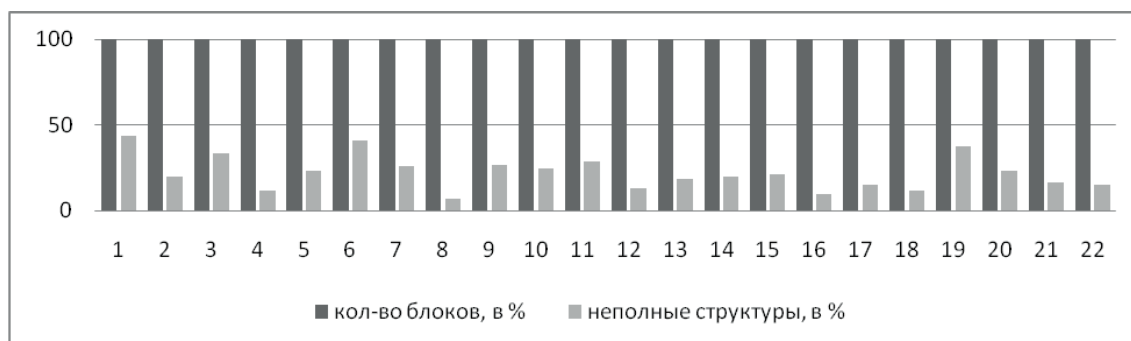

Рис. 1. Относительное количество неполных структур

Как видно из диаграммы (рис. 1), неполноформленные структуры составляют весьма большое количество от общего количества блоков в сказках. В четверти сказок (№ 1, 6, 19, 3, 11) их количество или превышает, или чуть меньше трети всех предложений в текстах (от 43,8 % до 28,7 %). В среднем показатель неполных структур составляет чуть более 20 % от общего количества предложений в тексте сказки. Это во многом свидетельствует о том, что минимальная степень спонтанности сопровождается рождением подготовленного сказочного текста.

Синтаксическая структура предложения в разговорном стиле часто нарушается. Закономерность расположения слов зависит от того, что говорящий считает главным: (61) *Ааина өвгн*. 'Идет старик' (Правильно: *Өвгн ааина*) [сказка № 19]; (62) *Көвүһән экнь таньжах юмн уга*. 'Сына мать не узнает' (Правильно: *Экнь көвүһән таньжах юмн уга*.) [Сказка № 18].

Парцеллированные конструкции¹ (далее — ПК) можно рассматривать как один из экспрессивно-стилистических приемов, активно используемых в сказках, записанных Г. Й. Рамstedтом, и выражающих спонтанность в сказывании сказок. Подробно ПК в сказках Г. Й. Рамstedта рассмотрены нами в статье [Бутаева и др. 2015].

В результате анализа материала исследования можно сделать следующие выводы:

¹ Парцелляция — расчленение предложения, т. е. единого синтаксического строения, и его выражение в нескольких интонационно-смысловых единицах, т. е. фразах» [Ванников 1969: 5].

1) порождение сказочного текста обладает низкой степенью спонтанности;

2) сказывание сказки насыщено элементами, характерными для разговорного стиля на всех уровнях системы калмыцкого языка: эллипсис гласных и согласных звуков, функционирование просторечной лексики и фразеологизмов, междометий, неполные предложения, парцелляции и мн. др.;

3) информанты являются носителями дербетского говора.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Калмыкия в рамках научного проекта № 15-14-08002/a(p) «Фольклорный текст сквозь призму компьютерных технологий (на материале записей калмыцких сказок Г. Рамstedта)».

Литература

- Аванесов Р. И. Русское литературное произношение. Учебн. пособие для учит. ин-тов. М.: Учпедгиз, 1950. 160 с.
- Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня. Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев. Сост., предисл., коммент. и прилож. Б. Б. Манджиевой Элиста: КИГИ РАН, 2010. 172 с. Серия «Өвкрин зөөр» («Сокровища предков»). На рус. и калм. яз.
- Бутаева А. О., Куканова В. В., Горяева Б. Б., Баянова А. Т. Парцеллированные конструкции в калмыцком языке: постановка проблемы (на материале сказок, записанных Г. Й. Рамstedтом) // Мир фольклора в контексте истории и культуры монгольских народов: Междунар. науч. конф. (Иркутск, 8–9 октября 2015 г.): материалы / [отв. ред. Е. К. Шаракшинова]. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2016. С. 199–209.

- Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 гг. В 2-х кн. Кн. 1. / Сост., подг. текстов и прилож. Б. Х. Борлыковой. Элиста: КИГИ РАН, 2008. 308 с. Серия «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков»). На калм. и рус. яз.
- Ванников Ю. В. Синтаксические особенности русской речи (явление парцелляции). Москва: б/и, 1969. 131 с.
- Герлтсн сувсн (Б. М. Санджиеван бичүлж авсн амн урн үгин көрңгэс). Сияющая жемчужина (Фольклорные материалы, собранные собирателем Б. М. Санджиевой). Записи 1972–1974 гг. На калм. яз. Вступ. ст., сост. и подг. текстов, прил. И. М. Болдыревой. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 230 с. «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков»).
- Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 335 с.
- Демидова Е. Б. Стиль... Стиль... Стиль...: уч. пособие. М. МПГУ, 2011. 118 с.
- Куканова В. В., Горяева Б. Б. Калмыцкие сказки, записанные Г. Й. Рамstedтом: опыт количественного анализа // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, 2015. № 4. С. 124–131.
- Лантева О. А. Русский разговорный синтаксис. М.: Наука, 1976. 400 с.
- Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1990. 172 с.
- Очиров У. У. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. Элиста: Калмгосиздат, 1964. 243 с.
- Пальшина Д. А. Темп речи как одна из причин возникновения аллегрных форм русских слов в повседневной коммуникации // Вестник Пермского университета. 2013. Вып. 2 (22). С. 18–24.
- Реформатский А. А. Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии. М.: Наука, 1979. 102 с.
- Романова Н. Н. Стилистика и стили: уч. пособие. Изд. 2-е. М.: Флинта, 2012. 416 с.
- Русский язык и культура речи: уч. пособие / М. В. Невежина и др. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 351 с.
- Стилистика русского языка: уч. пособие / В. Д. Бондалетов и др. Л.: Просвещение, 1982. 286 с.
- Стилистика русского языка: учебник / М. Н. Кожина и др. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.
- Т. С. Тягинован амн урн үгин көрңгэс. Фольклорные материалы из репертуара Т. С. Тягиновой. Самозапись 2004–2010 гг. / предисл. Н. Г. Очировой, сост., коммент. Б. Б. Горяевой. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 208 с. «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков»). На калм. и рус. яз.
- Хальмг улсин йөрэлмүд (Калмыцкие народные благопожелания). Сост., вступит. статья М. Э-Г. Эрдни-Горяева. Подготовка текстов и приложения Э. Б. Овалова. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 160 с. «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков»).
- Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmückische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1909. 154 s.
- Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalmuckische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1919. 155–237 s.
- Ramstedt G. J. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1976. 560 p.

References

- Avanesov R. I. *Russkoe literaturnoe proiznoshenie. Uchebn. posobie dlja uchit. in-tov* [Russian literary accent. Textbook for teachers' institutes]. Moscow, Uchpedgiz Publ. (State Publ. House for Schools and Pedag. Institutions), 1950, 160 p. (In Russ.).
- Altın cheejtä kelmrch Boktan Shanja. Hranitel' mudrosti narodnoj Shanja Boktaev. Sost., predisl., komment. i prilozh. B. B. Mandzhievoy [Treasurer of the folk wisdom Shanya Boktaev. Comp., foreword, comment. by B. B. Mandzhieva]. *Övknrin zöör (Sokrovishcha predkov)* [The ancestors' treasures]. Elista, KIGI RAN (Kalmyk Institute for Humanities of the RAS) Publ., 2010, 172 p. (In Kalm. and Russ.).
- Butaeva A. O., Kukanova V. V., Gorjaeva B. B., Bajanova A. T. *Parcellirovannye konstrukcii v kalmyckom jazyke: postanovka problemy (na materiale skazok, zapisannyh G. J. Ramstedtom)* [Parcelled constructions in the Kalmyk language: articulation of issue (evidence from fairy tales recorded by G. J. Ramstedt)]. *Mir fol'klora v kontekste istorii i kul'tury mongol'skih narodov: Mezhdunar. nauch. konf. (Irkutsk, 8–9 oktjabrja 2015 g.): materialy / [otv. red. E. K. Sharakhshinova]* [Proc. of the Internat. scient. conf. "World of folklore in the context of history and culture of Mongolian peoples". Irkutsk, October 8–9, 2015. Ed. by E. K. Sharakhshinova]. Irkutsk, IGU (Irkutsk State Univ.) Press, 2016, pp. 199–209 (In Russ.).

- Buutan Sanjin tuul's (Skazki Sandzhi Butaeva). Zapisi 1971–1978 gg. V 2-h kn. Kn. 1. / Sost., podg. tekstov i prilozh. B. H. Borlykovej* [Sandzhi Butaev's fairy tales. The 1971–1978 records. In 2 vol. Vol. 1. Comp. and prep. by B. H. Borlykova]. *Övknrin zöör (Sokrovishcha predkov)* [The ancestors' treasures]. Elista, KIGI RAN (Kalmyk Institute for Humanities of the RAS) Publ., 2008, 308 p. (In Kalm. and Russ.).
- Vannikov Ju. V. *Sintaksicheskie osobennosti russkoj rechi (javlenie parcelljacji)* [Syntactic peculiarities of English speech (phenomenon of parcellation)]. Moscow, 1969, 131 p. (In Russ.).
- Gerltsn suvsn (B. M. Sandzhievian bichülj avsn amn urn ügin körngäs). Siyayushchaya zhemchuzhina (Fol'klornye materialy, sobrannye B. M. Sandzhievoy). Sobiratel' Sandzhieva B. M. Zapisi 1972–1974 gg. / Vstup. st., sost., predisl., podg. tekstov i prilozh. I. M. Boldyrevoj* [The sacred pearl. Folklore materials collected by B. M. Sandzhieva. The 1972–1974 records. Foreword, comp., introd., prep. by I. M. Boldyreva]. *Övknrin zöör (Sokrovishcha predkov)* [The ancestors' treasures]. Elista, KIGI RAN (Kalmyk Institute for Humanities of the RAS) Publ., 2014, 230 p. (In Kalm.).
- Grammatika kalmyckogo jazyka. Fonetika i morfologija* [Kalmyk grammar. Phonetics and morphology]. Elista, Kalm. Book Publ., 1983, 335 p. (In Russ.).
- Demidova E. B. *Stil'... Stil'... Stil'...: uch. posobie* [Style... Style... Style... Textbook]. Moscow, MPGU (Moscow State Pedagog. University) Press, 2011, 118 p. (In Russ.).
- Kukanova V. V., Gorjaeva B. B. *Kalmyckie skazki, zapisannye G. J. Ramstedtom: opyt kvantitativnogo analiza* [Kalmyk fairy tales recorded by G. J. Ramstedt: an effort of quantitative analysis]. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2015, No. 4, pp. 124–131 (In Russ.).
- Lapteva O. A. *Russkij razgovornyj sintaksis* [Russian colloquial syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 400 p. (In Russ.).
- Matveeva T. V. *Funkcional'nye stili v aspekte tekstovyh kategorij: sinhronno-sopostavitel'nyj ocherk* [Functional styles from the perspective of textual categories: a synchronous comparative sketch]. Sverdlovsk, Ural State University Press, 1990, 172 p. (In Russ.).
- Ochirov U. U. *Grammatika kalmyckogo jazyka. Sintaksis* [Kalmyk grammar. Syntax]. Elista, Kalmgosizdat Publ. (Kalm. State Publ. House), 1964, 243 p. (In Russ.).
- Pal'shina D. A. *Temp rechi kak odna iz prichin vozniknovenija allegrovyyh form russkikh slov v povsednevnoj kommunikacii* [Speech rate as a reason for reduced forms of Russian words in everyday communication]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University], 2013, iss. 2 (22), pp. 18–24 (In Russ.).
- Reformatskij A. A. *Ocherki po fonologii, morfonologii i morfologii* [Sketches on phonology, morphonology and morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 102 p. (In Russ.).
- Romanova N. N. *Stilistika i stili: uch. posobie. Izd. 2-e* [Stylistics and styles: textbook. 2nd edition]. Moscow, Flinta Publ., 2012, 416 p. (In Russ.).
- Russkij jazyk i kul'tura rechi: uch. posobie / M. V. Nevezhina i dr.* [The Russian language and speech culture: textbook. By M. V. Nevezhina et al.]. Moscow, JuNITI-DANA Publ., 2012, 351 p. (In Russ.).
- Stilistika russkogo jazyka: uch. posobie / V. D. Bondaletov i dr.* [Russian stylistics: textbook. By V. D. Bondaletov et al.]. Leningrad, Prosveshhenie Publ., 1982, 286 p. (In Russ.).
- Stilistika russkogo jazyka: uchebnik / M. N. Kozhina i dr.* [Russian stylistics: textbook. By M. N. Kozhina et al.]. Moscow, Flinta-Nauka Publ., 2008, 464 p. (In Russ.).
- T. S. *Tyagivan amn urn ügin körngäs. Fol'klornye materialy iz repertuara T. S. Tyaginovoj. Samozapis' 2004–2010 gg. / predisl. N. G. Ochirovoj, sost., komment. B. B. Gorjaevoy* [Folklore materials from the repertoire of T. S. Tyagina. Self-records made in 2004–2010. Foreword by N. G. Ochirova. Comp., comment. by B. B. Goryaeva]. *Övknrin zöör (Sokrovishcha predkov)* [The ancestors' treasures]. Elista, KIGI RAN (Kalmyk Institute for Humanities of the RAS) Publ., 2011, 208 p. (In Kalm. and Russ.).
- Hal'mg ulsin jörälmüd (Kalmyckie narodnye blagopozhelanija). Sost., vstupit. stat'ja M. E-G. Erdni-Gorjaeva. Podgotovka tekstov i prilozhenija E. B. Ovalova* [Kalmyk folk blessing wishes. Comp., foreword by M. Erdni-Goryaeva. Texts and supplements prep. by E. Ovalova]. *Övknrin zöör (Sokrovishcha predkov)* [The ancestors' treasures]. Elista, KIGI RAN (Kalmyk Institute for Humanities of the RAS) Publ., 2010, 160 p. (In Kalm. and Russ.).
- Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil.

- Kalmückische Märchen [Kalmyk oral samples. Coll. and ed. by G. J. Ramstedt. Part I. Kalmyk fairy tales]. Helsinki, Finno-Ugrian Society Publ., 1909, 154 p. (In Germ.).
- Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalmuckische Märchen [Kalmyk oral samples. Coll. and ed. by G. J. Ramstedt. Part II. Kalmyk fairy tales]. Helsinki, Finno-Ugrian Society Publ., 1919, pp. 155–237 (In Germ.).
- Ramstedt G. J. Kalmukisches Wörterbuch [Kalmyk dictionary]. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 1976, 560 p. (In Germ.).

УДК 81.373+398.21

КАЛМЫЦКИЕ СКАЗКИ В ЗАПИСИ Г. Й. РАМСТЕДТА: ОСОБЕННОСТИ РАЗГОВОРНОГО СТИЛЯ

Александра Тагировна Баянова¹, Виктория Васильевна Куканова², Айса Олеговна Бутаева³, Баира Басанговна Горяева⁴

¹ заведующий Научной библиотекой им. П. Э. Алексеевой, Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: ale-bayanova@yandex.ru.

² кандидат филологических наук, директор, Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: vika.kukanova@gmail.com.

³ магистр, Институт калмыцкой филологии и востоковедения, КалмГУ (Элиста, Российская Федерация). E-mail: aisasarpa10@mail.ru.

⁴ кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, отдел литературы, фольклора и джангароведения, Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: baira79@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей разговорного стиля на материале калмыцких сказок, записанных финским ученым Г. Й. Рамstedтом. Целью данной работы является выявление элементов разговорного стиля на материале фольклорного текста. Актуальность изучения данной проблематики обусловлена тем, что лингвистические и стилистические аспекты разговорного стиля как в фольклорных текстах, так и в разговорной калмыцкой речи в целом практически не изучены. На примере записей сказок в фонетической транскрипции Г. Й. Рамstedта рассмотрены фонетические, лексико-фразеологические, морфологические и синтаксические нормы, присущие разговорному стилю калмыцкого языка. Фольклорный текст насыщен элементами, характерными для разговорного стиля на всех уровнях системы калмыцкого языка: эллипсис гласных и согласных звуков, функционирование просторечной лексики и фразеологизмов, междометий, неполные предложения, парцелляции и и т. д.

В результате анализа материала исследования можно сделать следующие выводы: 1) порождение сказочного текста обладает низкой степенью спонтанности; 2) сказывание сказки насыщено элементами, характерными для разговорного стиля на всех уровнях системы калмыцкого языка: эллипсис гласных и согласных звуков, функционирование просторечной лексики и фразеологизмов, междометий, неполные предложения, парцелляции и мн. др.; 3) информанты являются носителями дербетского говора.

Ключевые слова: устная традиция, сказка, разговорный стиль, калмыцкий язык, речь, синтаксис, парцелляция.